

Шаринова Э., Шаринова Р., Самиева А., Акматалиев А.Т.

ГОСУДАРСТВЕННОСТЬ И СУВЕРЕНИТЕТ КЫРГЫЗСКОГО ЭТНОСА

Как любое конкретное явление суверенитет, как и государственность, в процессе истории испытывает определенные трансформации, которые не носят произвольный характер, а предопределяются уже упомянутыми выше конкретными обстоятельствами, но главным образом спецификой и комплексом историко-культурных условий, в которых возникают и формируются этносы.

Кыргызы, как известно, являются представителями кочевой культуры. Соответственно, на характер, отношение и восприятие суверенитета кыргызами оказывает если не определяющее, то во всяком случае ощутимое влияние предшествующая их кочевая культура и история.

Происхождение человека как вида связано в первую очередь с кочевым образом жизни, по отношению к которому оседлый выступает как производный от него. Различные варианты перехода от кочевого образа жизни к оседлому во многом предопределили особенности восточной и западной форм государственности.

Проблема суверенитета имеет социологический аспект, связанный с тем, что на государстве лежит бремя обеспечения экономического суверенитета. Среди функций государства, имеющих прямое отношение к данной разновидности суверенитета, в первую очередь следует выделить хозяйственную. Экономический суверенитет имеет две стороны: возможность сообществ, образующих государство, а также индивидов, образующих сами сообщества, свободно принимать хозяйственные решения и возможность данных сообществ влияния на продолжение собственного существования. При этом даже полная свобода хозяйствования не гарантирует хотя бы простого выживания конкретного сообщества, и наоборот: даже почти полное отсутствие такой свободы, выражающееся в привязанности к производству весьма ограниченного количества благ, искусственной предметной действительности, при определенном стечении обстоятельств, способных длиться относительно продолжительное историческое время, может предоставлять сообществам возможность держать судьбу в собственных руках. Однако очевидно, что различные способы хозяйствования предоставляют разные возможности для выживания сообществ и таким образом влияют на степень и характер суверенности как самих сообществ, так степень и характер индивидов внутри данных сообществ. Хозяйственные, производственные возможности сообществ в целом определяют порядок и характер

жизни сообществ. Низкие производственные возможности сообществ повышают их зависимость не только от внешних условий, но и взаимную зависимость членов, образующих данные сообщества. Так, в традиционном кыргызском обществе доминирующую роль играли кровнородственные отношения, преобладая над чисто экономическими. Изменения в системе хозяйствования, в которой скотоводство было господствующим, шли чрезвычайно медленно, а вместе с тем изменению не подвергалась и культура, основывающаяся на традиционном опыте. Ментальность кочевника-кыргыза, семья и хозяйство которого составляли единое целое, была мало подвержена внешним влияниям. Отсутствие или во всяком случае весьма незначительная свобода хозяйствования, тем не менее, позволяла не только сохранять жизнь общины, но и предоставляла возможность для относительного материального благополучия членов, ее составляющих. При этом суверенность общины по отношению к суверенности индивидов, жизнь которых была невозможна и немыслима за пределами общины, была абсолютной. Индивид, обладая незначительной самостоятельностью, был растворен в теле общины и целиком подчинен обычаям, общинным нормам и традиционным ценностям. Коллективное, таким образом, полностью господствовало над частным, индивидуальным. «Власть общинного мнения у кочевых народов азиатской расы, – пишет Г.А. Мукамбаева, – имела силу закона, такой она оставалась долгое время, вплоть до наших дней». Последнее замечание важно для нашего исследования, так как подчеркивает консервативность определенных культурных форм, которые, безусловно, влияют уже на современные государственные формы жизни кыргызов, в том числе характер суверенитета. «У древних кыргызов, – продолжает Г.А. Мукамбаева, – соблюдение обычаев поддерживалось силой мнений старейшин, и к нарушителям применялись меры принуждения вплоть до применения в виде наказания смерти или принудительного изгнания из рода, что в те времена часто равнялось смерти, так как в чужой среде без пищи и поддержки трудно было выжить». Примитивные формы хозяйствования, обеспечивавшие низкую производительность труда, могли гарантировать выживание членов общины только в его пределах.

Лишенная статичности жизнь кочевника, побуждает его принимать быстрые решения, которые, если они неверны, можно исправить

всегда одинаковым образом: переместившись в пространстве. В условиях же оседлой жизни уходить практически некуда, а потому решения должны быть основательными, тщательно продуманными, с учетом, что будущее возможно только на данной территории. Таким образом, последствия и риски, связанные с ошибочными решениями, различны при разных образах жизни, вследствие чего неодинакова степень экстремальности бытия. Последнее обстоятельство, поскольку выступает как стимул для развития реальных социумов. Кочевые сообщества изначально обречены на своеобразный эволюционный застой. Возможность свободного перемещения при кочевой жизни способствует фрагментарности мышления, его ориентированности на события, а не на вещи и их свойства (явные и скрытые), которые представляют интерес для оседлых сообществ. Степень автономии кочевых и оседлых народов длительное историческое время была приблизительно одинакова, но то, каким образом она достигалась и ее характер были диаметрально противоположными. Кочевые народы добивались автономии экстенсивными средствами, т.е. перемещаясь в пространстве, вживаясь и не изменяя его и себя, оседлые же – интенсивными, т.е. оставаясь на месте и с необходимостью преобразуя пространство, а с ним неизбежно и себя. В данной связи следует иметь в виду, что различие в преобразовании пространства оседлыми народами породило и различия в цивилизациях, в частности, восточной и западной.

Для кочевых общностей, в ощутимой мере зависящих от внешних условий, и в первую очередь природных, прекращение их собственного существования представлялась вполне возможной перспективой, что озабочивало в значительно большей мере, чем смерть каждого отдельного его члена, вследствие чего эффективность хозяйствования измерялась прежде всего степенью выживаемости рода, племени. При оседлой же жизни угроза исчезновения общности, которая была вовлечена в процесс социальной дифференциации с характерной для дифференцированного общества иерархией, не теряет своей актуальности, однако степень данной актуальности существенно снижается по сравнению с кочевыми общностями. Жизнь и благополучие оседлых жителей, их будущее начинает зависеть от хозяйственных решений индивидов, от их мотивации к труду.

Для всех первобытных общностей было свойственно уравнительное распределение благ, которое, позволяя выжить максимальному числу людей, тем не менее существенно понижало активность индивида во всем, что касалось добычи и производства общественного продукта.

Община, выступая с точки зрения выживания ее членов как своего рода коллективный индивид, естественным образом препятствовала активности каждого отдельно взятого индивида. По сути, всеобщая пассивность, наряду с низкими производственными возможностями общины, незначительным объемом знаний и др. препятствовали появлению и развитию хозяйственной иерархии. Однако с ее возникновением в сфере собственно хозяйствования роль индивида, превращенного новыми обстоятельствами в частичное существо, не стала значительной самой по себе. Однако в сфере присвоения она с необходимостью создавала условия для обращения активности индивидов на самих себя, в результате чего стало нарушаться – и чем дальше, тем с большей силой и очевидностью – некоторое исходное равновесие в системе «индивид – общность». При этом, с одной стороны, индивид всё более растворяется в постоянно развивающейся иерархии, с другой – труд индивидов, представляя собой активное начало в жизни общества, привносит в неё элементы собственной динамики.

Переход к оседлой жизни вел, как правило, с одной стороны, к численному росту родовых общин, а с другой – к слиянию соседних общин, что вело к обособлению как первичной хозяйственно-демографической общности и образованию государства как надобщинной иерархии.

Неограниченная власть, корпоративность, система клановых связей, осуществляемых в форме патронажно-клиентных отношений, являются определяющими признаками восточных сообществ, с необходимостью формирующими и специфические государственные институты и отношения. Некоторые специфические признаки данной этнополитической структуры являются характерными чертами и традиционной кыргызской среды, в которой политические традиции Востока присутствуют в несколько урезанном и ослабленном виде. Слабость в кыргызском обществе характерных для Востока политических традиций объясняется рядом факторов. В частности, тем, что государство не играло главенствующей роли в жизни кыргызского общества, так как кыргызская история происходила главным образом вне государства. Почти всегда относительно немногочисленное традиционное кыргызское общество знало, по сути, только сословное деление и функционировало в основном на базе «кочевой демократии» и устоявшейся системы кровнородственных отношений, выработавшей определенные стереотипы поведения. С другой стороны, содержание и характер властных отношений в среде определялись преимущественно классическими восточными традициями, которые

были развиты и закрепились у оседлых народов Востока в системе государственного управления.

Принято считать, что основной ценностью восточной цивилизации является стабильность, западной – динамизм. В строгом смысле стабильность, будучи основой нормального человеческого бытия, одинаково привлекательна для всех сообществ, государств и цивилизаций. Однако другое дело – каким именно образом достигается указанная стабильность. Государства западной цивилизации добиваются стабильности за счет высокого динамизма. В данной связи следует отметить, что современный процесс глобализации, будучи инициированным Западом, стал вообще возможен за счет высокого динамизма развития современных государств.

Современное кыргызское государство, вписываясь в современную систему международных отношений, глобализующую культуру, испытывает определенные трудности в связи с тем, что кыргызы, существуя большую часть своей истории вне государства, не принадлежат к государственным народам ни Запада, ни Востока. Хотя, с другой стороны, будучи не привязанными жестко к какой-либо культурно-политической системе отношений, ценностей, парадигме, кыргызы относительно безболезненно могут переходить в новое государственное состояние, характер которого определяется современным процессом глобализации, задающим и соответствующие формы суверенитета.

Принято считать, что основной ценностью восточной цивилизации является стабильность, западной – динамизм. В строгом смысле стабильность, будучи основой нормального человеческого бытия, одинаково привлекательна для всех сообществ, государств и цивилизаций. Однако другое дело – каким именно образом достигается указанная стабильность. Государства

западной цивилизации добиваются стабильности за счет высокого динамизма.

В настоящее время мы пытаемся привить на нашу культурную почву либеральную систему ценностей, экономические модели, правовые нормы, общественно-политические и государственные институты западного происхождения. И дело здесь не только в экономической мощи Запада, а в том, что у глобализации, по сути, нет реальной альтернативы, и динамизм, являющийся необходимым условием экономического процветания и социально-политической стабильности, во все большей мере становится общей чертой и ценностью подавляющего большинства из ныне существующих государств, в том числе Кыргызстана. Отставание в развитии, экономическом росте равноценно в настоящее время потере национального суверенитета. Основным качеством и ценностью, определяющим современное глобальное развитие, является динамизм. Он же, по сути, определяет и трансформации, связанные с суверенностью современных государств.

Список использованной литературы

1. Абдрасулов С.М. Введение в философию кочевников или опыт философского осмысления культурных оснований кыргызов // Res Publica 1995. 10 октября.
2. Абрамзон С.М. Киргизы и их этногенетические и историко-культурные связи. – Фрунзе, 1990. – С. 30.
3. Акмолдоева Ш.Б. Духовный мир древних кыргызов. – Бишкек, 1998.
4. Акунов А., Киютин В., Прытков В., Токтомышев С. Постсоветский Кыргызстан глазами зарубежных политологов. – Бишкек, 1998.
5. Алексеев С.С. Теория права. – М., 1995.
6. Аманалиев К.Б. Социально-философский анализ патернализма. Диссертация на соискание ученой степени к.ф.н. – Бишкек, 1996.
7. Артыкбаев М.Т., Артыкбаев А.М. Политическая система в «открытых» и «закрытых» обществах (современный анализ). – Бишкек, 1998.